

Сазонова Людмила Алексеевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и психологии
Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса
dom-hors@mail.ru

Коваленко Светлана Витальевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления
Дальневосточного федерального университета
dom-hors@mail.ru

Соколюк Надежда Владимировна

преподаватель Академического колледжа
Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса
dom-hors@mail.ru

СЕМЬЯ И РОДИТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ: ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ИННОВАЦИИ

Аннотация:

В статье рассматриваются подходы современных отечественных исследователей к осмыслению проблем современной семьи и родительства, определяются основные тенденции в развитии института семьи и родительства в условиях социальных трансформаций в контексте эволюционной и институциональной парадигм.

Ключевые слова:

современная семья, родительство, социальные трансформации, инновации.

Sazonova Lyudmila Alekseevna

PhD, Assistant Professor of the Philosophy
and Psychology Department,
Vladivostok State University of
Economics and Service
dom-hors@mail.ru

Kovalenko Svetlana Vitalyevna

PhD in History,
Assistant Professor of the State
and Municipal Administration,
Far Eastern Federal University
dom-hors@mail.ru

Sokolyuk Nadezhda Vladimirovna

Lecturer at Academic College,
Vladivostok State University of
Economics and Service
dom-hors@mail.ru

FAMILY AND PARENTHOOD IN THE CURRENT DEVELOPMENT CONDITIONS: TENDENCIES, PROSPECTS AND INNOVATIONS

Summary:

The article considers the contemporary Russian scholars' ideas of the modern family and parenthood problems. The authors define main tendencies of the family and parenthood institution development in the conditions of social changes in the context of evolutionary and institutional paradigms.

Keywords:

modern family, parenthood, social transformation, innovation.

Актуальность исследований проблем семьи и родительства обусловлена современными трансформационными процессами, принципиальной чертой которых, по мнению исследователей, является стихийный, многовекторный, разнонаправленный и непредсказуемый характер [1, с. 6].

Во второй половине XX в. традиционная парадигма родительства заменяется инновационной парадигмой ценностных ориентиров, лично ориентированной, децентрализованной, направленной на саморазвитие и автономию личности в вопросах выбора стратегии поведения [2, с. 262, 304]. Ее проявления выразились в индивидуализации супружеских отношений, завышенных эмоциональных ожиданиях, противоречии между возможностью профессиональной карьеры и традиционной ролью матери и хранительницы очага. Модель социального воспроизводства родительских обязанностей, свойственная реальному социализму, продемонстрировала свою неадекватность требованиям времени и разрушенной системе ценностей [3, с. 27–40]. Ушел в прошлое государственный патернализм, гарантировавший родителям профессиональную занятость и поддержание родительских обязанностей. Вместе с этим появились такие социальные феномены, как женская безработица и феминизация бедности. Роль школы и официальной системы образования в социализации детей становится все более формальной и семье незаметно возвращаются отобранные государством функции. Материнство и забота о детях также переопределяются и рассматриваются как результат самостоятельного выбора и ответственности каждой женщины.

По мнению исследователей, освобождение от патернализма стало важным шагом к освобождению от предписанной государством необходимости профессиональной занятости и выбору материнства как сферы индивидуальной реализации. Однако, по нашему мнению, для

большого количества женщин выбор материнства стал вынужденной мерой, вызванной сокращением рабочих мест, увольнением и безработицей. Изменение позиции государства в отношении семьи, предоставление ей большей независимости предполагает, что супруги возьмут на себя основную ответственность за благосостояние семьи и заботу о детях. При этом государство перестает играть роль главного патриарха, ожидая, что мужчины вернуться к традиционным мужским обязанностям, которые были ранее монополизированы государством, и которые оно теперь возвращало родителям. Однако длительная советская традиция отчуждения мужчин от их семейных и родительских обязанностей привела к тому, что для многих из них выполнение патриархальной роли является проблематичным, и этот вопрос решается в зависимости от социально-экономического статуса и индивидуального выбора мужчины [4, с. 89].

Исследователи считают, что своего современного состояния российская семья достигла во многом под влиянием процессов советской антисемейной политики, которая «не породила процесс институционального кризиса семьи, но значительно его ускорила» [5, с. 59].

В целом, по поводу состояния семьи и родительства исследователи делают прямо противоположные выводы. Суть вопроса состоит в выборе научной парадигмы, на основе которой и делаются те или иные оценочные суждения. Среди российских ученых выделяются сторонники двух дискурсивных парадигм в понимании сегодняшнего состояния семьи – «кризиса семьи» и «модернизации семьи». Одни считают, что современная модернизация семьи является неким локализованным выражением глобального социального кризиса. Другие придерживаются той точки зрения, что модернизация семьи и родительства в России осуществляется в рамках процесса трансформации общества, смены традиционного типа семьи современными, и в целом имеет позитивную направленность. Сторонники «парадигмы модернизации» утверждают, что семья, как и любой другой социальный институт (в частности, родительство), в своем поступательном развитии эволюционирует, переходит из одного состояния в другое, поэтому можно говорить лишь о процессе стадийном, но не институциональном. Исследователи, придерживающиеся данной эволюционной или «либерально-прогрессивистской» точки зрения, убеждены в том, что на обломках старых традиционалистских образцов материнства и отцовства возникают новые альтернативные парадигмы [6, с. 4].

Сторонники «кризиса семьи» аргументом в пользу данной парадигмы считают утрату либо замещение общественными институтами основных функций семьи. Смысл «консервативно-кризисной» или институциональной парадигмы заключается в предупреждении снижения родительской ответственности и в необходимости укрепления семейных основ бытия, объяснении его дисфункций и патологии [7, с. 74–87].

Основными факторами, позволяющими говорить о кризисе семьи, являются разрушение социокультурных норм многодетности, снижение значимости семьи как формы социально-ценностного бытия человека, устранение семейного производства как некогда преобладавшего в общественной экономике и др. В работах исследователей содержится четко выраженная оценка исторического процесса, приведшего к изменению родительства, и некий идеал семейного бытия, рассматриваемый в русле парсонсианских идей [8, с. 74–87; 9, с. 54, 105–108; 10, с. 5].

Ведущие отечественные эксперты А.И. Антонов и В.М. Медков рассматривают в качестве ведущего фактора кризиса «фамилистической цивилизации» семейную аномию, проявляющуюся в нарушении семейного равновесия, в распаде детско-родительских связей, ценностных ориентаций. Невыполнение родителями своих основных функций и в первую очередь репродуктивных и социализирующих, обеспечивающих биологическое и социальное воспроизводство населения, свидетельствует о глубокой институциональной дисфункции. В связи с этим сторонники традиционалистского подхода рассматривают кризис патриархальной модели родительства как исчезновение этого важнейшего социального института, а принципиально новые модели выступают, с этой точки зрения, остатками деградации расширенной семьи, указывающими на отмирание семьи вообще, а не только «традиционной семьи» [11, с. 54, 105–108; 12, с. 5; 13, с. 34].

В русле эволюционной парадигмы склонен поддерживать ценностную модель родительства известный российский исследователь С.И. Голод. На основе идеальных типов моногамии он выделяет патриархальную, детоцентристскую и супружескую парадигмы семьи [14, с. 159, 177–178]. Каждой из них соответствует и модель родительства с распределением обязанностей и ответственности. С его точки зрения новая, так называемая «супружеская» модель родительства определяется не родством (как в модели патриархального родительства) и не порождением (как в детоцентристской модели), а свойством. Действительно, родители в такой семье отказываются безоговорочно подчинять собственные интересы интересам детей, а сексуальность не сводится к прокреации; эротизм как ключевой момент постсовременной семьи, безусловно, влияет на изменение представлений о родительстве. В такой семье, по мнению С.И. Голода, вырабатывается антирутинный механизм – автономия, предполагающая возможности для самореализации каждого индивида, отход от зависимых отношений внутри семьи и возникнове-

ние богатых и разнообразных детско-родительских отношений между полами и поколениями [15, с. 159, 177–178]. Явления в брачной, сексуальной и репродуктивной сферах, вскрытые во второй половине XX столетия, уже не могут однозначно интерпретироваться как отклонения от нормы, а должны, скорее, рассматриваться как признак существенных и необратимых трансформационных сдвигов в самом институте семьи. Таковы тенденции к снижению рождаемости, малодетности и сознательной бездетности, характерные для индустриально развитых стран, в число которых входит и Россия. Данные тенденции, по мнению С.И. Голода, ни в коем случае не должны ассоциироваться с кризисом родительства. Вслед за ним, мы не сомневаемся, что закономерности изменения родительских обязанностей и отношений созвучны общесоциальным переменам.

Однако отношение исследователей к эволюционной парадигме семейно-брачных отношений, в том числе родительских, неоднозначно. Одни авторы указывают, что данная парадигма, описывающая исторический переход к нуклеарной эгоцентристской семье и утверждающая спонтанное укрепление «современной» семьи по мере улучшения условий жизни, исчерпала себя. По мнению А.И. Антонова, «возникшая для описания перехода от традиционной» семьи к «современной», она выполнила свое предназначение и не может ничего сказать о перспективах семьи сегодняшней, оставаясь всего лишь частным случаем парадигмы ценностного кризиса семьи как института» [16, с. 34, 30–40; 17, с. 79].

Другие авторы, рассуждая о становлении новых ценностей, неразрывно связанных с глубокой трансформацией родительских обязанностей, считают данную парадигму вполне жизнеспособной, хотя и переживающей существенные изменения в отношениях между родителями и детьми. Они отмечают, что в прошлом эмоциональная сторона отношений родителей к детям не была развита, а в мировоззрении семьи, по сути, отсутствовала ответственность родителей перед детьми, но зато ответственность детей перед родителями существовала в преувеличенном виде. Поэтому, как полагает И.С. Кон, «родительские чувства, роли и поведение, каковы бы ни были их «естественные» предпосылки, требуют конкретно-исторического исследования, которое несовместимо с пошлым морализированием на тему об «извращении» «естественных норм» родительства в одну эпоху и об их «возрождении» или «очищении» в другую историческую эпоху» [18, с. 211–242].

На наш взгляд, реальное содержание и характер процессов, протекающих ныне в российском обществе, участвующем в углубляющемся мировом процессе глобализации, скорее, говорит в пользу «парадигмы модернизации».

Тем не менее обе точки зрения, по нашему мнению, нельзя оценить однозначно. С одной стороны, очевидно, что в современной семье происходит ослабление родственных связей, распространяется идеал однодетной семьи, наблюдаются все выше отмеченные негативные явления. Все эти тенденции подтверждают новые особенности семейной жизни – все больше детей остается без одного из родителей, в чем и выражается, по нашему мнению, одна из особенностей современного родительства – возможность сочетания родительских обязанностей в лице одного родителя.

С другой стороны, как отмечают исследователи, в семьецентристском российском обществе ценности фамелизма традиционно доминировали над ценностями индивидуализма. Сохранению социокультурной традиции высокой рождаемости, сохранению традиционных родительских обязанностей и поддержанию ценности родительства в целом способствовал целый комплекс факторов и условий [19, с. 268–271]. Процесс модернизации не есть полная противоположность традиции, ибо диалектика жизни позволяет адаптировать устои общества под конкретные изменения. Исследования показывают, что родительство и сегодня является некой безусловной сверхценностью, важной для подавляющего большинства людей [20, с. 61–73; 21, с. 121–122].

В то же время следует отметить особенности перехода российского общества к новому типу цивилизации, заключающиеся в том, что движение России в направлении ценностей индивидуализма и демократического мироустройства открыто сталкивается с элементами разрушающегося советского этапа российской цивилизации, коллективистского по своей сущности. Новые цивилизационные параметры, вероятно, должны сопровождаться утверждением принципа уважения к индивидуальности. Исследователь Б.Б. Хубиев отмечает, что «высокая значимость семьи как объективно-субъективной формы человеческого бытия и состоит в обеспечении воспроизводства человеческой индивидуальности, его личностных параметров, что сталкивается с коллективистской сущностью семьи советской эпохи» [22]. Это в определенной степени затрудняет достижение равенства родительской ответственности между матерью и отцом, поскольку в советской семье, как уже отмечалось, роль отца маргинализировалась, ответственность за детей несла мать. А в современных социокультурных условиях женщина, также как и мужчина (и даже в большей степени), ориентирована на образование и личностную самореализацию, что вызывает противоречия в семье и зачастую приводит к ее распаду.

Тем не менее, на наш взгляд, консервативная точка зрения на кризис родительства и угрозу полного исчезновения семьи, не в полной мере отражает реальную ситуацию. Гибкость родительских чувств и ответственности, а не «консерватизм, сложное переплетение обычаев и традиций досоциалистического и социалистического прошлого, общечеловеческих нравственных ценностей» [23, с. 22] позволяют институту семьи и родительства сохраниться в сложнейших условиях, адаптироваться к изменившейся ситуации.

Ряд современных авторов исследуют современные формы семейного устройства, выделяя проблему приемной семьи как инновационного социального института. При анализе функционирования механизма создания приемных семей выявляются негативные факторы, которые замедляют процесс внедрения новой формы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. По мнению исследователей, приемная семья – «новая для российского общества, быстро развивающаяся технология, которая начинает давать первые результаты» [24].

В целом современные отечественные исследования в области семьи и родительства показали, что в современном обществе традиционная парадигма родительства постепенно сменяется инновационной парадигмой, суть которой заключается в автономии личности в выборе стратегии репродуктивного поведения и индивидуализации родительско-супружеских отношений.

Кроме того, большинство социальных изменений, коснувшихся российской семьи, совпадают с общемировыми тенденциями. В этом процессе наблюдаются противоречивые тенденции в области родительской ответственности. С одной стороны, возрастает понимание родителями значимости образования, воспитания, сохранения здоровья для своих детей. С другой стороны, развитие автономизации семьи, снижение ценности брака и детей для семьи, негативные последствия сексуальной революции приводят к развитию родительской безответственности.

В ходе современных социальных трансформаций происходит разрушение базового гендерного контракта работающей матери, возникают переходные формы сосуществования «новых» и «старых» норм, ценностей и социальных практик. Наряду с сохранением традиционных установок в отношении родительства, происходит постепенный переход от патриархально-традиционных к эгалитарным отношениям внутри семьи, претерпевает значительные изменения институт отцовства, что позволяет утверждать об исторической объективной изменчивости родительских отношений и родительской ответственности.

Ссылки:

1. Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М., 2003.
2. Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения: Международные сравнения. М., 1998.
3. Журженко Т.Ю. Социальное воспроизводство как проблема феминистской теории // ОНС. 2000. № 4. С. 27–40.
4. Коваленко С.В., Сазонова Л.А., Соколюк Н.В. Материнство и власть в контексте советской тоталитарной идеологии // Общество: философия, история, культура. 2011. № 1–2. С. 89–95.
5. Кучмаева О.В., Петрякова О.Л. Трансформация института семьи: кризис или модернизация. URL:http://www.http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Vonu_sip/2011_10/pdf/str_053-062.pdf (дата обращения: 08.04.2013).
6. Голод С.И., Клецин А.А. Состояние и перспективы развития семьи. Теоретико-типологический анализ. Эмпирическое обоснование. СПб., 1994.
7. Голод С.И. Многогамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. 1995. № 6. С. 74–87.
8. Там же.
9. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М., 1996.
10. Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М., 1998.
11. Голод С.И., Клецин А.А. Состояние и перспективы развития семьи. Теоретико-типологический анализ. Эмпирическое обоснование. СПб., 1994.
12. Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М., 1998.
13. Антонов А.И. Два взгляда на одну проблему // Семья в России, 1999. № 1–2. С. 12–17.
14. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ.
15. Там же.
16. Антонов А. И. Современная семья: два взгляда на одну проблему // Семья в России, 1999. № 1–2.
17. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М., 2000.
18. Кон И.С. Родительство как социокультурный феномен // Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). Гл. V. Этнография родительства. М., 1988. С. 211–242.
19. Носкова А.В. Семья в России: тысячелетняя история глазами социолога. М., 2004.
20. Варламова С.Н., Носкова А.В., Седова Н.Н. Семья и дети в жизненных установках россиян // Социол. исслед. 2006. № 11. С. 61–73.
21. Ломова Т. Роль семьи в формировании гендерных установок современной российской молодежи // Вестник ВГУЭС. Владивосток, 2005. № 2. С. 121–122.
22. Хубиев Б. Семья как социально-ценностная общность форм бытия человека: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова. Нальчик, 2008.
23. Эфтимович Л.Е. Семья как субъект социальной политики региона // Семья: XXI век. Проблемы формирования региональной семейной политики. Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2002. № 11 (167).
24. Коровина Е.С. Приемная семья как инновационный институт современного российского общества. URL: <http://www.elar.uniyar.ac.ru/jspui/bitstream/..ru> (дата обращения: 08.04.2013).

References:

1. Zdravomyslova, OM 2003, *Family and society: the gender dimension of the Russian transformation*, Moscow.
2. Rukavishnikov, V, Halman, L & Esther, P 1998, *Political Culture and Social Change: International comparisons*, Moscow.
3. Zhurzhenko, T 2000, 'Social reproduction as the problem of feminist theory', *ONS*, no. 4, pp. 27–40.
4. Kovalenko, SV, Sazonova, LA & Sokolyuk, NV 2011, 'Motherhood and power in the context of the Soviet totalitarian ideology', *Society: philosophy, history, culture*, no. 1–2, pp. 89–95.
5. Kuchmaeva, OV & Petryakova, OL 2011, *Transformation of the family: a crisis or modernization*, retrieved 08 April 2013, <http://www.http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Vonu_sip/2011_10/pdf/str_053-062.pdf>.
6. Golod, SI & Kletsin, AA 1994, *Status and prospects of development of the family. Theoretical and typological analysis. Empirical support*, St. Petersburg.
7. Golod, SI 1995, 'Monogamous family: a crisis or evolution?', *Socio-political journal*, no. 6, pp. 74–87.
8. Golod, SI 1995, 'Monogamous family: a crisis or evolution?', *Socio-political journal*, no. 6, pp. 74–87.
9. Antonov, AI & Medkov, VM 1996, *Sociology of the Family*, Moscow.
10. Antonov, AI 1998, *Microsociology family (methodology of the study of structures and processes)*, Moscow.
11. SI Golod, Kletsin AA Status and prospects of development of the family. Theoretical and typological analysis. Empirical support. St. Petersburg., 1994.
12. Antonov AI Microsociology family (methodology of the study of structures and processes). Moscow, 1998.
13. Antonov AI Two ways of looking at a problem // *Family in Russia*, 1999. № 1-2. S. 12–17.
14. Golod, SI & Kletsin, AA 1994, *Status and prospects of development of the family. Theoretical and typological analysis. Empirical support*, St. Petersburg.
15. Golod, SI & Kletsin, AA 1994, *Status and prospects of development of the family. Theoretical and typological analysis. Empirical support*, St. Petersburg.
16. Antonov, AI 1999, 'Modern Family: two views of the same problem', *Family in Russia*, no. 1–2.
17. Antonov, AI & Sorokin, SA 2000, *The fate of the family in Russia in XXI century. Reflections on family policy, the possibility of counteracting the decline of the family and depopulation*, Moscow.
18. Kon, IS 1988, 'Parenthood is a social and cultural phenomenon' in *Child and Society (historical and ethnographic perspective)*. Chap. V. *Ethnography of parenthood*, Moscow, pp. 211–242.
19. Noskov, AV 2004, *Family in Russia: the thousand-year history through the eyes of a sociologist*, Moscow.
20. Varlamov, S, Noskov, AV & Sedov, NN 2006, 'Families and children living in the Russians', *Sotsis*, no. 11, pp. 61–73.
21. Lomova, T 2005, 'The role of the family in shaping gender attitudes of modern Russian youth', *Herald VSUES*, Vladivostok, no. 2, pp. 121–122.
22. Khubiev, B 2008, The family as a community of values and social forms of human existence, PhD thesis abstract, Kabardino-Balkaria State University, Nalchik.
23. Eftimovich, LE 2002, 'The family as a subject of social policy in the region', *Family: XXI century. Problems of formation of regional family policy. Analytical Bulletin of the Federation Council*, no. 11(167).
24. Korovin, ES 2013, *Foster family as an innovative institution of modern Russian society*, retrieved 08 April 2013, <<http://www.elar.uniyar.ac.ru/jspui/bitstream/..ru>>.